

АЛЕКС
ТАРН

РЕЙНА,

КОРОЛЕВА
СУДЬБЫ

Алексу Тарну подвластны все жанры...
Эта такая плотная проза!!! Читать его —
наслаждение!

ЕКАТЕРИНА ВИЛЬМОНТ

Алекс Тарн

Рейна, королева судьбы

«Вимбо»

2014

Тарн А.

Рейна, королева судьбы / А. Тарн — «Вимбо», 2014

ISBN 978-5-00224-034-0

Студент Ариэльского университета Нир Берман знакомится с девушкой Рейной, которая одержима безумной идеей изменить прошлое посредством изменения настоящего. Рейна собирается добиться перемен в судьбе своей бабушки, которая чудом выжила в годы войны, но потеряла при этом всю свою семью. К великому удивлению Нира, серьезные перемены настоящего действительно кое-что меняют в прошлом. Но получится ли у Рейны сделать бабушку счастливее? Этот роман — головокружительная история о связи времен и событий. «Алексу Тарну подвластны все жанры... Это такая плотная проза!!! Читать его — наслаждение!». — Екатерина Вильмонт

ISBN 978-5-00224-034-0

© Тарн А., 2014

© Вимбо, 2014

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алекс Тарн

Рейна, королева судьбы

© Алекс Тарн

© ООО «Вимбо»

* * *

I

День имел все основания быть замечательным.

Родители Сигаль уехали в Италию, так что дом в Кохав-Авруме остался в ее полном распоряжении – ее и Нира. Не то чтобы Нир особенно стеснялся предков своей подруги: он давно уже пребывал в статусе законного бойфренда и без проблем оставался ночевать в ее комнате. Но будем откровенны: любого нормального человека не может не угнетать необходимость натягивать брюки и рубашку всякий раз, когда хочется спуститься в кухню.

То ли дело сейчас... Нир распахнул дверцу холодильника и взгляделся в его сияющее нутро. Так... коробки, банки, пакеты... – а колы-то и не видно...

– В нижнем ящике, там, где овощи! – крикнула сверху Сигаль, словно почувствовав его затруднение.

– Нашел!

Нир вытащил бутыль и стал озираться в поисках чистых стаканов. На кухонном столе дремали остатки вчерашнего ужина: недоеденная курица, увядший салат и немытая посуда.

– Чистых нет! – снова прокричала Сигаль. – Помой парочку!

«Что у них тут, видеокамеры? – подумал Нир. – Или она просто не выпускает меня из поля внутреннего зрения? Говорят, есть такое...»

Он выбрал два стакана и пошлепал босыми ногами к раковине. Вот было бы забавно, если бы здесь действительно оказалось видео. Стоишь себе с голой задницей на кухне семейства Кимхи и моешь посуду.

Настоящий сюр. Ребята в телемаркетинге подошли бы со смеху. Они вообще шутники, а тут такой подарок. Нир оглянулся на стол. Гниловатая картина, что и говорить. Отчего это наутро праздничные столы выглядят так неприятно, чтоб не сказать гадко?

Вчера-то все обстояло в высшей степени тип-топ. Они праздновали десятилетнюю годовщину своего первого постельного опыта, или, как именovala это событие Сигаль, «особо близкого знакомства». Настоящий юбилей. Нир приехал с цветами и шампанским, Сигаль приготовила еду. Чтобы было совсем как в кино, разожгли камин, хотя снаружи полыхала убийственная жара, такая, что не продохнуть. Впрочем, в доме при включенном на всю катушку кондиционере дышалось более-менее нормально. Сели за стол, затем перешли на ковер перед камином и пару раз «особо близко познакомились» в ознаменование годовщины.

И вот тут-то, когда они расслабленно – опять же, как в кино – возлежали на ковре, вглядываясь в огонь, недоуменно приплясывающий на масляных поленьях, вот тут-то дела и пошли наперекосяк. И ведь, главное, ничто не предвещало ненастья... Все-таки женская психология как чужое минное поле: даже хорошо зная карту, можешь в любой момент наступить на какую-нибудь противотанковую мину. И хотя Нир три года оттрубил в саперной бригаде, в отношениях с Сигаль не помогала никакая спецподготовка. Что он тогда сказал?

– У нас хорошо получается... – вот что.

– О чем ты? – лениво пробормотала она.

– Да вот...

Возможности жестикуляции были ограничены, поскольку одной рукой Нир обнимал подругу, а в другой держал бокал красного. Очень медленно, чтобы не расплескать вино, он повел рукой вокруг, включив в картину и стол, и камин, и кондиционер, и внушительную гостиную кимхинского дома.

– Вот всё это. Хорошо ведь, правда? И чего бы нам не съехаться?

– Съехаться? – Сигаль зевнула. – На какие шиши? Ты знаешь, сколько сейчас платят за съём?

– Смотря где, – возразил Нир. – В Ариэле можно снять вполне приличную трехкомнатную.

– В Ариэле! – презрительно фыркнула подруга. – Скажи еще – у тебя в Эйяле!

Нир жил с родителями и бабушкой в самарийском поселении Эйяль, за зеленой чертой, примерно в получасе езды от богатых коттеджей Кохав-Аврума, где гнездилась в основном чиновничья элита, а также высшее офицерство ЦАХАЛа, полиции и других серьезных организаций для серьезных мужчин. Полчаса езды, но реально два этих места разделяла пропасть в миллионы световых лет.

– Чем тебя не устраивает мой Эйяль? – спросил он, уже чувствуя на щеке пока еще легкое дуновение приближающейся ссоры. – Генералов у нас нет? Как же ты тогда со мной спишь, с простым старшим сержантом?

Разговор неудержимо скатывался по зыбкой осыпи слов вниз, в размолвку. Вообще-то, они избегали касаться политики – уж больно по-разному смотрелись одни и те же вещи из окон их родительских домов. Если бы не *тихон* – единственная на весь район школа, традиционно собирающая в своих стенах старшеклассников со всей округи, они бы вряд ли когда-либо познакомились, не говоря уже об «особой близости».

– Как-как... – ответила Сигаль с преувеличенно шутливой интонацией. – На спине! И не только... Милый, давай не будем ссориться, – она приподнялась и прижалась щекой к его груди, заглядывая в глаза. – Не сейчас, ладно? Кто знает, выпадет ли нам еще одна такая ночь до моего отъезда...

– До твоего отъезда... – повторил Нир, отчасти – но лишь отчасти – радуясь перемене темы. – Одного не пойму: зачем тебе куда-то ехать, Сигалюш? Добро бы еще в Европу. Европа прямо на тебя скроена. Особенно Германия – там, что ни городок, то Кохав-Аврум: чистенько, ладненько, богатенько. Но Индия... – на кой лад тебе сдалась эта Индия? Ты ведь грязь не любишь.

– Грязь не люблю, – нараспев подтвердила она, медленно накатываясь на него сверху, как гладкая тугая волна. – Я другое люблю. И ты, как я только что ощутила, тоже. Ведь любишь, а? Любишь... любишь...

Вздыхнув, Нир закрыл глаза, и дальше они с Сигаль обменивались разве что междометиями. Но наутро выяснилось, что прервавшийся разговор никуда не делся – он ждал их возвращения, как немытая посуда и неубранный стол. Нир осознал это, когда разливал колу по стаканам: действительно, на кой лад ей сдалась эта грязная Индия? Да и Сигаль ничего не забыла: это было видно по напряженному выражению ее красивого лица, когда Нир поднялся наконец в спальню.

– В бармены тебя точно не возьмут. Сколько надо времени, чтобы принести колу?

Нир не ответил. Он принес не только колу: вчерашняя размолвка вошла в комнату вместе с ним и теперь неотступно стояла рядом с постелью, ожидая, когда на нее обратят внимание. Сигаль шумно отхлебнула, отставила стакан и резко повернулась к нему.

– Ну что? Что?!

Теперь она сердилась не на шутку. Это выглядело признанием того, что юбилей закончился, киносценарий с камином и ковром отработан до последнего кадра, и значит, можно дать волю накопившемуся раздражению.

– Ничего, – ровным голосом ответил Нир. – Ничего. Мне трудно взять в толк, зачем тратить еще и этот год впустую. Почему мы не можем снять квартиру и съехаться?

Он помедлил, прикидывая, стоит ли упоминать в качестве дальнейших шагов свадьбу и детей, но решил, что на данном этапе это будет чересчур. Не все сразу.

– Слушай, Сигалюш, мы ведь с тобой вместе со школы! Десять лет! Достаточно, чтобы...

– ...надоест! – перебила Сигаль, решительно отбрасывая предложенный Ниром ностальгический тон. – Достаточно, чтобы друг другу надоест! Ты это хотел сказать?

– ...чтобы попробовать жить парой, как нормальные взрослые люди. Мне надоело ночевать в твоей девичьей светелке. Я уже не школьник и не солдат в отпуске.

– Да что ты говоришь? – насмешливо прищурилась она. – А кто же ты такой? Джастин Бибер? Леонардо ди Каприо?

Нир сдержался, в первую очередь потому, что знал: ее больше всего бесит именно спокойная интонация.

– Я студент последнего курса по специальности «Электроника», – все так же ровно произнес он. – А вот кто ты, не известно никому, и тебе в первую очередь.

Это был серьезный удар: Сигаль и в самом деле вот уже несколько лет не знала, куда себя приткнуть. В армии родители устроили ей хороший джоб – в отдел, занимающийся допризывниками. Предполагалось, что первый год девушке придется поскучать, бегая с анкетами и параллельно обучаясь на курсах начинающих психологов, однако в дальнейшем светила интересная работа профессионального интервьюера, а после дембеля – плавный переход на соответствующую университетскую специализацию.

Однако Сигаль еще в школе вбила себе в голову, что хочет быть кинорежиссером. Поэтому она не дотянула до второго армейского года, с помощью родительских связей выкосила освобождение по здоровью и рванула на один из тех факультетов, где учат в основном болтать, используя удручающе стандартный набор модных слов и имен. Сначала она с придыханием говорила о деконструкции, «Догме-95» и стихийных гениях индокитайского кино, затем как-то поскучнела. Выпускной документальный фильм, снятый с обильным привлечением отцовских денег, должен был потрясти мир, но вышел такой бессвязной туфтой, что не помогло даже приобретенное в университете умение расхваливать платье голого короля.

Какое-то время она еще отиралась среди таких же неприкаянных бездельников, у столиков прокуренных кафе, где сигаретный дым мешался со злобой на весь мир и завистью к чужому успеху, а потом вдруг ударилась в духовность иного рода. Деконструкцию и «Догму» сменили разговоры о космической энергии и каналах телепатической связи; Сигаль заделалась убежденной вегетарианкой и осуждающе смотрела на мать всякий раз, когда та зажигала газовую конфорку, тем самым преступно способствуя глобальному потеплению.

Впрочем, и этот период длился не слишком долго: как-то само собой выяснилось, что хороший стейк и жареная курица содержат существенно больше космической энергии, чем салатные листья. Теперь Сигаль увлеклась фотографией; совершив очередной пиратский набег на банковский счет родителей, она накупила несколько кубометров камер, принтеров, линз, экранов, штативов, зонтов и прочего крайне необходимого оборудования. Полтора года дорогостоящих курсов завершились альбомом с черно-белыми снимками интерьера полуразрушенного сарая. Поставив альбом на полку, Сигаль в очередной раз задумалась о будущем и с отчетливой ясностью осознала, что сможет найти себя только в Индии.

В этом была определенная логика, ведь именно Индия совмещала в себе и вегетарианство с космической энергией, и живописные фотосюжеты, и близость к титанам тайландского кино. Кроме того, по ее бескрайним просторам скитались многие из тех, кто в свое время прошел через отдел допризывников. Получалось, что в этой экзотической стране, как в едином узле, увязывались нити всех предшествовавших занятий и увлечений мятущейся натуры Сигаль Кимхи. Уже одно это прямо указывало на адекватность ее интуитивного выбора. Она неоднократно пыталась втолковать Ниру эту очевидную истину, однако упрямец просто отказывался понимать! А теперь еще и опустил до обидных попреков!

– Представь себе! – выпалила Сигаль. – Среди нормальных людей нормально искать свое нормальное предназначение. Что тут непонятного?

– Ну да, искать предназначение! – хмыкнул Нир.

– Вот только нормальное ли? И нормально ли продолжать эти поиски бесконечно? Точнее, до тех пор, пока родителям не надоест оплачивать эти твои увлечения.

– При чем тут мои родители? Мои родители тебя не касаются, понял?! И при чем тут деньги, когда речь идет о... о... – она прищелкнула пальцами, подыскивая нужное слово, – о смысле жизни?

Нир язвительно улыбнулся:

– Деньги тут очень даже при чем, моя дорогая.

Когда они кончаются, предназначение находится само собой. И вовсе необязательно в Индии.

– Хватит! – Сигаль сердито хлопнула ладонью по простыне. – Я не хочу это обсуждать! И мне плевать, что ты об этом думаешь. Я тебе не какая-нибудь религиозная клуша из Эйяля, у которой к моему возрасту уже четверо детей и пятый в животе. Я живу полной жизнью и имею на это право!.. Куда ты?

– Вниз, – сказал Нир. – Ты же не хочешь обсуждать. Не хочешь, не будем. И вообще, пора одеваться. У меня сегодня семинар перед экзаменом и работа, вечерняя смена.

В дверном проеме он обернулся. Сигаль смотрела в окно, на лице ее застыло выражение упрямой обиды.

– Вот что, Сигалюш. Уедешь – уезжай. Живи своей полной жизнью хоть в Индии, хоть на Марсе. Но учти: я тебя ждать не буду... – он вздохнул, отметив странное покалывание в затылке, будто произнесенные слова тут же превращались из звуков в жидкость, пузырящуюся, как кола в стакане. – Надоело, как ты сама очень правильно заметила. Будь здорова.

Нир немного помедлил. Вот сейчас вскочит, подбежит, обнимет, прижмется теплым родным телом, зашепчет на ухо щекочущие, шелестящие слова: «Зачем, почему, куда ты, останься, сейчас же...» Но девушка, упорно уставившись в окно, не трогалась с места.

«Десять лет, – думал Нир, спускаясь по лестнице в гостиную. – Настоящий юбилей...»

Он одевался, не торопясь, каждую секунду ожидая услышать ее босые ступни, шлепающие по плиткам пола, ощутить ее руки на своей шее, ее волосы на своей щеке. Мыслей не было никаких, если не считать за мысль все то же непонятное покалывание затылка и эхо сказанных, отзвучавших слов. Зато в груди щемило: наверно, в такие моменты сердце намного раньше головы ощущает непоправимость происходящего. На джинсах красовалось большущее винное пятно. Черт возьми, теперь не отстираешь. Есть такие пятна и такие ссоры, которые ничем не вывести. Что тогда делают? Выбрасывают, вот что...

Уже одевшись, Нир долго ощупывал карманы, проверяя, все ли на месте, не вывалилось ли что во время бури вчерашних кино-страстей, когда штаны летели в одну сторону, а рубашка в другую. Бумажник, ключи, мобильник, кошелек для мелочи, какие-то записочки, бумажки, квитки и квитанции... – сколько всего, и всё на месте. Всё, кроме Сигаль. Десять лет...

Повернув ключ в замке входной двери, он крикнул: «Я ухожу! Закроешь за мной?» – и снова ждал куда дольше, чем следовало бы. Сейчас крикнет: «Погоди!»... вот сейчас... сейчас...

Сигаль молчала. Нир пересек двор и вышел на улицу, к своей потрепанной мазде. Спальня выходила на другую сторону, но даже если бы и на эту – вряд ли Сигаль сейчас стояла бы в окне. Хватит, парень, забудь: отрезал так отрезал. Машина послушно тронулась с места, отчасти вернув ему уютное чувство контроля над событиями. Руль влево – жизнь влево, руль вправо – жизнь вправо, газ – ускорился, тормоз – притормозил. Славная иллюзия! «Десять лет! – стучало в голове. – Десять лет!»

Отрезал! Легко сказать – отрезал! Это ведь не палец: отрезал, забинтовал, зажило, и ходишь себе дальше, хотя бы и без пальца. Есть некоторое неудобство, но, в общем, ничего страшного. А тут другое. Тут отрезаешь от сердца, и треклятый отрезанный кусок остается внутри. А то, что внутри, не выбросишь. И вот он, этот чертов кусок, сначала долго-долго умирает, жалуясь и ноя, а умерев, принимается гнить, гнить и отравлять тебя своим чертовым гниением, как чертова гангрена. Тьфу!

«Погоди-ка, – сказал он себе, уже вывернув на главное шоссе, – что ты придумываешься? Ты ведь сам к этому вел, еще со вчерашнего вечера. Кто затеял ссору, если не ты? Она-то пыталась загладить, еще там, у своего идиотского камина. Топить камин в июне – это ж надо придумать!»

Да оставь ты этот камин! Привязался к камину, честное слово... Разве дело в камине? Дело в том, что она пыталась загладить, а ты всё расковыривал, и расковыривал, и расковыривал... И не просто расковыривал, а именно в такой день. Ты ведь знаешь, как она относится к этим годовщинам: так, наверно, положено по все этим киносценариям, которые она изучала на своем факультете. В кино, будь оно проклято, подобной чуши всегда придают особенный смысл. Символы и так далее. И вот именно к такому дню ты приурочил ссору. Выходит, давно планировал, так ведь? Ну, признавайся, так?»

Снаружи полыхал зной. Навстречу Ниру медленно ползла слитная лента раздраженного утреннего трафика. Желтые израильские номера перемежались бело-зелеными арабскими, но мало кто обращал внимание на это обстоятельство: в пробке «своих» не бывает – одинаково неприятны все, особенно те, кто впереди. Но Нир ехал в противоположном направлении, почти без помех. Еще вчера он не планировал заезжать домой, думал отправиться в университет прямиком из Кохав-Аврума. Но вот получилось иначе... Да и переодеться надо – куда теперь с таким пятном... Нир покосился на мобильник, закрепленный на приборном щитке. Тот вино-вато молчал; с фотографии на заставке экрана улыбалась Сигаль. Надо бы заменить. А если она вдруг позвонит? Что делать, если она вдруг позвонит?

Он крутанул головой, возвращаясь к невеселым мыслям. Конечно, разрыв назревал давно. Пустячные ссоры далеко не всегда пустячны. Эти крошечные тревожные лампочки питаются разрушительной энергией, которая накапливается в аккумуляторе взаимного отчуждения. Странно еще, что они продержались так долго – целых десять лет! Когда Сигаль привела его показывать родителям, те почти сразу поинтересовались местом жительства Нира – естественный вопрос в обстоятельствах первого знакомства. Услышав ответ, старший Кимхи, бригадный генерал и начальник отдела в одном из важных органов внутренней безопасности, стер с лица приветливую улыбку и сказал, пожав плечами:

– Понятия не имею, что вы там ищете, среди этих мессианских фанатиков.

– Вы – это кто? – решил спросить Нир.

– Русские, – пояснил Кимхи. – Ты ведь из русской семьи? В смысле – российского происхождения. наших религиозных ослов в вязаных кипах я еще могу понять: ждут своего мессию, всем нам на голову. Но зачем твои родители, абсолютно светские – чтоб не сказать советские – люди, поселились в этом сраном Эйяле, на оккупированной земле?

Он так и сказал: «сраном». Сейчас-то Нир непременно ответил бы что-нибудь хлесткое, например: «Чтобы не мыть полы в виллах Кохав-Аврума», но тогда ему шел всего восемнадцатый год, он был смущен, растерян, и ответа не нашлось.

– Я ведь не просто так говорю, – продолжал распалившийся не на шутку папаша, – я знаю. Мой отдел, парень, как раз занимается подобными идиотами. Вон видишь, на стене почетная грамота от главы правительства? За что, ты думаешь? За предотвращение мега-теракта на Храмовой горе! Хотели взорвать мечети! Ты представляешь, что было бы?! Уже все подготовили: планы, подходы... Уму непостижимо... Я эту папку до сих пор на полке храню, как сувенир, достаю время от времени, чтобы убедиться – не сон ли это был? Нет, не сон: реальные фанатики. Это в голове у них сказки, а сами-то они вполне реальные...

– Папа, ну при чем тут Нир? – взмолилась Сигаль. – Он даже в Пурим хлопущки не взрывает...

Она попыталась обратить всё в шутку, но мамаша Кимхи тоже поджала губы и не стала помогать. Еще бы: девочка из элитной израильской семьи – и нищий «русский» парень, да к тому же еще и поселенец! В семье восприняли этот скандальный мезальянс как очередной

кратковременный каприз дочери. Родители и представить себе не могли, что это продлится годы.

Да и никто не мог, кроме самих влюбленных. Они тогда вздрагивали даже не от прикосновения, а от одной только мысли о прикосновении: их мизинцы сближались, как два электрода, заряженных стотысячевольтным напряжением. Их не удивляла кажущаяся случайность встречи: при такой сверхъестественной силе взаимного притяжения они просто не могли не встретиться. А уж расставание и вовсе выглядело невозможным – разве что в смерти, да и то обязательно одновременной. На уроках они избегали смотреть друг на друга, чтобы не смущать одноклассников и учителей; они немножко стыдились своего счастья перед всеми остальными людьми – обделенными, лишенными этой томительной и острой связи, утягивающей в омут, забрасывающей на вселенскую сияющую крутизну, в самое сердце молнии.

Хотя первую встречу Нира с супругами Кимхи трудно было назвать удавшейся, Сигаль решила, что формальности соблюдены, и в один прекрасный школьный полдень позвонила матери – сообщить, что после уроков поедет к Ниру и останется там ночевать.

– Куда? – полузадушено переспросила мать.

– К Ниру. Я вас познакомила в прошлом месяце.

– Но там стреляют! – выкрикнула госпожа Кимхи.

– Ты не поедешь по этому шоссе!

– Но мама...

– Подожди... подожди... – перебила ее мать. – Ох, Господи! Я сейчас задохнусь... Подожди.

– Ладно, – послушно сказала Сигаль.

Честно говоря, она могла ждать сколько угодно:

Нир стоял рядом, вдыхая запах ее волос, и сердца обоих подрагивали в такт раздувающимся крыльям его носа. Отдышавшись, мать потребовала Нира к телефону. Голос ее звучал умоляюще.

– Нир, дорогой, – проговорила она, – ты ведь уже бывал у нас и знаешь, что у Сигаль прекрасная комната. И живем мы намного ближе к школе. Почему бы вам не переночевать у нас? Я тебя очень прошу. Если мы с Эхудом тебя смущаем...

– Нет, госпожа Кимхи, не смущаете... – растерянно ответил Нир.

Он хорошо помнил поджатые губы этой взрослой надменной женщины и теперь был дополнительно смущен той просительной, почти униженной интонацией, с которой она обращалась к нему, подростку. Зато Сигаль торжествовала. Конечно, в то время ради совместной ночевки она бы отправилась хоть в бандитскую Газу, но родительский дом в Кохав-Авруме был все-таки не в пример удобней. В итоге за десять лет она побывала в Эйяле лишь однажды – всякий раз находился какой-нибудь предлог не поехать. Почему? Боялась дороги – вот этого шоссе, летящего по прямой в направлении Шхема? Или, подобно многим своим друзьям по кинофакультету, бойкотировала «поселение оккупантов»?

Так или иначе, Ниру так и не удалось заманить девушку в свой дом, в свою жизнь, показать вот эти серо-зеленые холмы, плывущие в слоистом от жары воздухе за стеклами машины, эти серебристые оливковые деревья на склонах спящего вади, ястребов в небе, летучих мышей, вычерчивающих невозможные траектории под желтым фонарем луны. Для нее все это было и осталось чужой планетой, пугающей и нежеланной, мерцающей в миллионах световых лет и получасе езды от прочной почвы Кохав-Аврума. Так что аккумулятор отчуждения начал заполняться еще тогда, в самые счастливые годы, по капле, по горсточке, незаметно, а потому вроде бы несущественно. Пренебрежительное недоумение господина Кимхи, поджатые губы его жены, ее же умоляющая интонация в телефонной трубке, а позже – фальшивая приветливость, за которой сквозил плохо скрытый вопрос: «Ну когда же оно закончится, это безумие?» Горсть, еще горсть, и еще, и еще...

Однако главная проблема заключалась, конечно, не в родителях, а в самой Сигаль, которая, как ни крути, тоже была Кимхи, девочкой из Кохав-Аврума, поселка элитных вилл. Хотя поначалу казалось, что никакая сила не может разлучить их. Приезжая в отпуск из армии, Нир наскоро принимал душ, переодевался и под аккомпанемент причитаний бабушки: «Куда же ты? А поесть?!» – выскакивал из дома ловить попутку. Сигаль подхватывала его где-нибудь на перекрестке в районе Кфар-Сабы. Тогда отец уже купил ей машину – маленький фиат. Молча, остерегаясь встречаться взглядами, они заезжали в уединенное место – в апельсиновую рощу, в лес, в поле, на нижний этаж подземной стоянки – и там набрасывались друг на друга, едва не теряя сознание от первого объятия.

Окружающий мир растворялся без остатка, оставались лишь они двое, плывущие в тягучем, чреватом взрывами космосе прикосновений, вздохов и неразборчивого шепота на понятном только им языке. Вселенная качалась перед их широко раскрытыми, крепко зажмуренными глазами; они не видели ничего, кроме ее плотного занавеса, сквозь который не доносилось ни единого звука, даже грома музыки, которую они иногда включали на полную мощь, чтобы заглушить свои крики.

Но спустя полчаса, или час, или год, или вечность они обнаруживали себя в тесной коробке фиата, где невозможно вытянуться в полный рост, прижаться всем телом, развалиться на спине, где постоянно натыкаешься на какую-нибудь неуместную стенку, ручку, и особенно тормозной рычаг, будь он проклят. А еще неуместней был неприятный промежуток между волнами сумасшествия – схлынувшей и новой: его требовалось чем-то заполнять, и единственным строительным материалом оказывались слова.

– Ну, как ты?

– Нормально. А ты?

– Нормально.

В принципе, этого хватало, однако время от времени просачивались и другие фразы, на первый взгляд незначительные, но полные отвлекающей ненужной информации, торчащей прямо посреди жизни, как чертов рычаг ручного тормоза в салоне фиата. А сразу вслед за ними поспешали другие досадные помехи: мамаша Кимхи со своей фальшивой приветливостью, папаша Кимхи со своей почетной грамотой, соседи по Кохав-Авруму в дорогах авто, однокурсники-кинолюбцы в круглых очочках, косящие под психов пацифисты, косящие под пацифистов психи, друзья детства, гуру вегетарианства, косматые пророки космической энергии и еще много-много кого. Мелкие и назойливые, они были неременной принадлежностью речи, как вши с детских голов бывают неременной принадлежностью общественного бассейна.

Понятно, что пауза в какой-то момент кончалась, а с нею пропадала и необходимость в речи, и все же вши, по противному свойству вшей, не исчезали бесследно. Горсть, и еще горсть, и еще, и еще... – пока аккумулятор не наполнился, пока скопившийся в нем заряд многих мелких помех не слился в одну, большую, труднопреодолимую. И ведь не скажешь, что при этом совсем исчезло то, самое главное... Вот, к примеру, если Сигаль прямо сейчас перестанет валять дурака и позвонит, есть еще время повернуть назад. Да даже если и нет времени – повернуть можно всегда, и черт с ним, с семинаром...

Справа промелькнул поворот на Гинот Керен.

Это означало, что они почти приехали – Нир и его молчаливый мобильник. Полчаса езды по миллиону световых лет. Он снова покосился на телефон. Нет, не звонит. Что ж, может, оно и к лучшему. Пускай отправляется в свою Индию. За полгода разлуки что-нибудь да кончится: либо заряд аккумулятора, либо позорная зависимость от избалованной куклы из Кохав-Аврума.

Шлагбаум на въезде в Эйяль был против обыкновения опущен; за стеклом будки виднелось круглое лицо дежурного. Чертыхнувшись, Нир остановил машину.

– Эй, Бенда! Ты что, заснул?

Охранник неторопливо вышел наружу. На плече его болтался узи, сильно потертый от времени и неумеренной чистки.

– Нирке, ты? А я вот, видишь, подменяю. Эльбаз на дежурство не вышел. Болен, наверно, или что. Вот Вагнер мне и позвонил. Помоги, мол, Бенда, кроме тебя некому. А почему некому? Почему всегда Бенда? Нет у людей ответственности, вот что. Чего молчишь?

Нир вздохнул. Отделаться от Беспалого Бенды, главного поселкового сплетника, было нелегко даже в самой простой ситуации. А уж сейчас, когда он командовал шлагбаумом, эта задача становилась и вовсе нерешаемой...

– Бенда, мне домой надо. Срочно... – Нир запнулся, отыскивая причину поубедительней. – Бабушка плохо себя чувствует, мало ли что.

– Бабушка? – Бенда понимающе покачал головой и извлек из кармана пачку сигарет. – Старость не радость. А что с ней такое? Нужна помощь? Если я чем могу помочь, только скажи. Тут каждый знает: в Эйяле если на кого и можно положиться, так это на Бенду.

Он закурил, поправил сползший ремень автомата и облокотился на открытое окошко мазды. Лицо Беспалого выражало живейшее участие и искреннюю готовность выслушать сколь угодно длинный рассказ попавшего в беду ближнего.

«Дурак! – мысленно обругал себя Нир. – Зачем бабулю приплел? Для него это еще одна тема. Хотя Бенда тему всегда найдет...»

– Камни! – выпалил он неожиданно для самого себя. – В почках! Но это пройдет. Вот я сейчас подъеду и помогу. Если, конечно, ты шлагбаум откроешь.

Бенда снова покачал головой.

– Камни, говоришь... В почках... В почках еще не так страшно. В почках камешки мелкие, песочек. А вот те камни, которые арабцы на шоссе бросают, эти потяжелее будут. Глыбы! Скалы! Вот не далее как сегодня, на ариэльской дороге... – он поглубже затянулся, выдохнул дым в салон машины и с удовольствием причмокнул, готовясь к длинному рассказу.

– Бенда! – взмолился Нир. – Ну как меня касаются камни на ариэльской дороге?! Я ведь в Эйяль въезжаю, домой! Вовнутрь, а не наружу!

Охранник осуждающе понял брови.

– Не касается, а? Эх, молодежь, молодежь...

Ничего-то вас не касается. Вот и Эльбаз на дежурство не вышел. А мне что – за всех отдуваться? Чем ты брюки так залил? Вином небось, а? Эх, молодежь... Вином залил, а потом за руль?

Сзади послышался гудок подъехавшего автомобиля. Нир с надеждой взглянул в зеркало заднего обзора – возможно, теперь Бенда переключится на другую жертву? Охранник выпрямился; как видно, его мучили сомнения того же рода. С одной стороны, Нир не проявлял готовности к основательному разговору, с другой – шлагбаум так сразу не опустишь, а потому, если второй машине удастся проскочить вплотную за первой, то есть риск и вовсе остаться без собеседника. Проблема... Вздыхнув, Беспалый нажал на кнопку; полосатая планка шлагбаума взметнулась по стойке смирно, словно салютуя вновь обретенной свободе Нира и его автомобиля.

В этот час улицы поселения были безлюдны: как правило, эйяльцы выезжали на работу значительно раньше. Немногие оставшиеся машины с виноватым видом жались к родным калиткам. Нир не стал доставать ключ, а попробовал дверь рукой – так и есть, открыто. Здесь вообще редко запирались – разве что на ночь. Зачем? Все вокруг свои.

– Бабуля, я пришел!

Он на секунду-другую задержался в гостиной, вслушиваясь в прохладную тишину дома. Нет ответа. Этой весной Лидии Сергеевне исполнилось восемьдесят шесть, и слуховой аппарат помогал уже не ахти как. Дверь ее комнаты была приоткрыта; бабушка сидела в кресле, напряженно всматриваясь в экран телевизора. Звук был переключен на наушники, но Нир не

сомневался, что канал российский, а программа непременно посвящена какой-нибудь сугубо русской теме. Раньше, еще в его школьные годы, Лидия Сергеевна то и дело хватала внука за рукав и, блестя глазами, принималась взахлеб пересказывать что-то такое, безнадежно русское и потому никаким боком не интересное.

– Представляешь, мальчик? – повторяла она, возбужденно раздувая тонкие ноздри.

Нир обреченно кивал и потихоньку продвигался в сторону, прочь от потока малознакомых, тяжелых, будто грубым топором вырубленных слов иноземной речи. Его привезли в Страну двухлетним мальчуганом; сколько себя помнил, он жил ее жизнью, дышал ее воздухом, мыслил ее понятиями и образами, говорил на ее певучем, крикливом, гортанном языке. Да и весь окружающий мир воспринимался здесь исключительно в связи со Страною: в Штаты ездили учиться и закладывать основу для будущей карьеры, в Латинскую Америку и Индию – путешествовать, в Европу – смотреть футбол и красивые города, в Африку – рисковать собственной шкурой за деньги и алмазы. А вот огромное розовое пятно на севере мировой карты не могло предложить ровным счетом ничего занятного. Россия всегда казалась ему и его сверстникам чем-то безнадежно провинциальным, скучным или же, напротив, курьезно диким, как оторванные от цивилизации острова папуасов.

Когда бабушка со своими русскими историями запирала его в углу дивана, телом преграждая путь к свободе, подобно сегодняшнему шлагбауму Беспалого Бенды, мальчик с трудом удерживался от протеста. И если уж речь зашла о Бенде, то даже его банальная, до последнего слова предсказуемая назойливость выглядела предпочтительней торопливого, захлебывающегося отчаяния, с которым Лидия Сергеевна пыталась впихнуть свои ненужные рассказы в гудящую от отвращения голову внука. Поразительно, но чужой и нелепый Бенда был ему в такие моменты намного ближе, чем родная бабушка, чьи руки, лицо и запах сопровождали Нира всегда, сколько он себя помнил, с момента осознания того пугающего и неприятного факта, что мировой космос отнюдь не един, а делится на две неравные группы: Я и Другие.

Почему? Иногда сила этого отторжения удивляла самого Нира: он ведь действительно любил бабушку, и по мере взросления в его любви было все меньше детского эгоцентризма, все больше жалости, попечительства, готовности терпеть старческие чудачества. И тем не менее... – возможно, винить в этом конфликте старой и малого следовало не его, а ее, инстинктивно старавшуюся продлить жизнь если не себе, то своему миру, такому мрачному, враждебному, засасывающему, как северное лесное болото. Какого, собственно, черта она тянула туда еще и внука?

Время от времени на помощь приходил отец.

– Мама, – с досадой говорил он, – сколько раз повторять: не приставай к парню. Думаешь, ему интересен этот твой Пастернак?

Лидия Сергеевна возмущенно поджимала губы:

– Пастернак не может быть неинтересен!

Пастернак принадлежит мировой культуре! – она вся подбиралась, хватала ртом воздух и нараспев заводила:

– За поворотом, в глубине лесного блага...

Или, может быть, «лога»?.. Неважно – с точки зрения Нира словосочетание «лесной лог» представляло собой такую же нелепицу, что и «лесной блог»: ну кто в самом деле, станет вести в лесу лог или блог? Дятлы? Удоды? Ежи и черепахи? Потом, с началом военной службы, бабушка оставила его в покое: постоянная тревога за внука перевесила заботу о сохранении русской культуры, откровенно, по-пастернаковски, гибнущей в тотальном безразличии местного окружения. Парадоксально, но факт: именно в израильской армии Нир существенно расширил запас живых русских выражений. Впрочем, эти новые знания, почерпнутые у товарищей по оружию, вряд ли могли претендовать на принадлежность к изысканному бабушкиному словарю.

Он остановился на пороге своей комнаты: так и есть, бабушка снова навела там порядок! В принципе, это можно было бы только приветствовать, если бы ее представления о порядке хотя бы приблизительно соответствовали вкусам самого Нира. После таких уборок он никогда не мог найти нужных вещей; вот и сейчас пришлось перерыть все полки стенного шкафа.

– Бабуля! Бабуля!

Едва сдерживая возмущение, Нир ворвался в комнату бабушки. Лидия Сергеевна вздрогнула и подняла на него выплывшие, некогда ярко-голубые глаза.

– Сереженька! Вернулся? Будешь завтракать?

Она забыла снять наушники и потому, не слыша себя, говорила излишне громко, почти кричала.

– Наушники! – крикнул Нир, сопровождая подсказку соответствующим жестом обеих рук. – Сними наушники!

– Как?.. Что?.. – переспросила Лидия Сергеевна, но тут же поняла и, виновато кивнув, принялась возиться со скобой прибора, стягивая его с головы, высвобождая из пушистого облачка седых волос, излишне торопясь и оттого запутываясь еще больше.

– Дай помогу...

Нир осторожно помог снять наушники. Сквозь белый пушок просвечивала теплая розовая кожа; Лидия Сергеевна сидела смирно, как испуганный птенец, молча глядя на сильные молодые руки, на их точные деликатные движения прямо перед ее глазами. Гнев парня улетучился, но проблема осталась: после бабушкиной уборки он не мог найти свои запасные джинсы взамен испорченных. Без этого было решительно не в чем ехать в университет.

– Ты завтракал?

Пока он возился со скобой, бабушка несколько раз робко прикоснулась кончиками пальцев к его предплечью; в этом движении был тот же оттенок странного удивления, которое Нир в последнее время улавливал в ее беглом взгляде. Чему она так удивлялась? Тому, что в поглощающем ее мире глухоты и увядания могут существовать такие мощные, полные жизни побеги? Прежде чем ответить, Нир подал ей коробочку со слуховым аппаратом.

– Бабуля, ты меня слышишь?

Лидия Сергеевна кивнула.

– Джинсы! Где мои джинсы?

– Я все слышу, не кричи, – произнесла она с подчеркнутым достоинством. – Тебе нужны джинсы. Так бы и сказал. Боже, какое пятно...

– Так бы и сказал... – повторил ее слова Нир, снова начиная сердиться. – Вот я и говорю. Сколько раз говорил: не входи в мою комнату. Мне что, замок повесить?

– Но, Сережа, у тебя же там черт ногу сломит, – с той же интонацией возразила Лидия Сергеевна. – Как можно терпеть такое безобразие? Наводи порядок сам, и я не буду заходить.

Нир глубоко вздохнул.

– Хорошо. Джинсы. Куда ты засунула мои джинсы?

Лидия Сергеевна открыла рот, чтобы ответить, и смущенно запнулась. В глазах у нее мелькнуло виноватое выражение.

– Не засунула, – жалобно проговорила она, уже не в силах держать круговую оборону, – не засунула, а замочила. Они у тебя такие пыльные, Сережа...

– Пыльные, говоришь? – с тихим бешенством повторил Нир. – Пыльные, говоришь, Сережа?..

Он поменял имя вместе со школой, когда переходил в старшие классы. Прежнее было дано в память о прадеде, бабушкином отце, которого она не помнила даже по фотографиям.

– Погиб в первую волну репрессий, – скорбно качая головой, объясняла Лидия Сергеевна. – За дружбу с Троцким. Мама тогда сожгла всё, что от него осталось. Всё, кроме меня, двухлетней.

В принципе, она могла бы назвать Сергеем своего собственного сына, но еврей-ашкеназы не дают детям имен живых родственников, а сообщения о смерти отца никто не присылал. Так что мальчик родился задолго до получения справки о реабилитации, из которой явствовало, что незаконно осужденный гражданин Блувштейн С. И. умер от инфаркта в лагере со смешным названием СЛОН еще в конце двадцатых годов, так что последующие тридцатилетние надежды на его чудесное возвращение были, увы, напрасны.

В итоге за безотцовщину Лидии Сергеевны пришлось отдуваться не сыну, а внуку, не имевшему ни малейшего понятия ни о прадеде, ни о его друге Троцком. Внуку, чье знакомство с русским словом «слон» ограничивалось детским стишком о поклоне, посылаемом слонихе. Как знать, возможно, упорное нежелание мальчика вникать в бабушкин язык объяснялось как раз его именем, принципиально чуждым местному ивритскому слуху.

– Как тебя зовут?

– Сережа.

– Как-как?

– Сережа.

– Как-как?

Это создавало неудобство еще в детском саду; трудное слово наотрез отказывалось проворачиваться даже на языке у воспитательниц, а уж о сверстниках и говорить нечего. Напрашивающиеся сокращения не решали проблемы. Кем он только не перебивал – и Сэром, и Сыром, и Рожей, и Розой... Последнее было особенно унижительным, поскольку считалось сугубо девчоночьим. Так, страдая и мучаясь, парень добрался до момента, когда понадобилось переходить в тихон, городскую среднюю школу: в эйяльской учились лишь до девятого класса.

В преддверии этого события ему еще с весны стали сниться кошмары: сентябрь, первый урок, аудитория, полная незнакомых насмешников и насмешниц, учитель с раскрытым журналом и неотвратимое «Как-как?... – Сережа... – Как-как?... – Сережа... – Как-как?...». Так бы оно и случилось, если б не дельный совет закадычного друга-марокканца с замечательно легким именем Йегошуа Бен-Иссасхар, которое, согласно здешней традиции, необъяснимо трансформировалось в еще более простое «Шуки».

– Йес, Сэр... Ноу, Сэр... – сказал как-то Шуки, устав смотреть на мрачную сережкину физиономию. – Не надоело? А что б тебе погнало не поменять на что-нибудь более нормальное? Сколько можно терпеть? Вон у меня сестра поменяла. Пока была Лиат, в упор не везло, а как стала Лея – сразу такого жениха отхватила! Ашкеназ – это раз, голова – это два, вилла в Кейсарии – это сто!

– Так он же ее потом бросил, – уныло возразил Сережа.

– Ну и что? – стоял на своем Шуки. – Наверно, надо было еще раз поменять. Знаешь, как говорят: перемена имени – к перемене счастья. Как раз твой случай. Хочешь, я у Лиат спрошу, чего делать надо?

– У Лиат? Она же теперь Лея... – подколот друга Сергей и тут же поправился: – Ладно, извини, я не хотел. Может, и впрямь надо... что-нибудь покороче и попроще. Что у нас самое короткое и самое простое?

Перебрав десятка два вариантов, они решили положиться на волю случая. Шуки отвернулся и принялся бормотать про себя имена, одно за другим, пока Сережа не остановил его окриком:

– Стоп! Что вышло?... Ну, не тяни, сукин сын!

– Привет, Нир! – торжественно произнес друг, выдержав паузу для пущей важности. – Сдается мне, сегодня у тебя день рождения.

– Значит, Нир. Нир... Нир... – парень покатал на языке свое новое имя. – Как тебя зовут?... Нир...

– Йес, сэр! – расхохотался Шуки.

С тех пор на свое прежнее имя Нир откликался только в семье – там так и не смогли по-настоящему принять эту его неожиданную и в чем-то даже оскорбительную выходку. Особенно переживала бабушка: обиделась за своего никогда не виденного отца, чья смутная тень только-только начала приобретать живые черты в облике высокого красавца-внука. И вот – на тебе! – пожалуйста назад, в небытие. «Головой качает слон, он слонихе шлет поклон...»

– Надень брюки. У тебя там висят две пары.

– Какие брюки, бабуля?! – простонал Нир. – Таких теперь никто не носит! Ах ты... ну что тебе объяснять...

Он махнул рукой и вернулся к себе. Как назло, третью пару джинсов неделю назад взял у него все тот же закадычный Шуки – одолжил на день и до сих пор не вернул, шукин сын! Остается что?.. – остаются шорты.

Ага, в шортах, да на семинар Степушенко, да еще и накануне экзамена! Форменное самоубийство! Нир взглянул на часы. Ничего, время еще есть: если прийти в аудиторию пораньше и сесть в уголок подальше, то можно и проскочить.

– Сереженька, может, успеет высохнуть... – Лидия Сергеевна, виновато улыбаясь, стояла в дверях.

– Оставь, бабуля, все в порядке.

– В каком порядке, в каком порядке? Ты только посмотри, какой тут кавардак. А ведь не далее как сегодня утром я тут...

– Бабуля, хватит! – потеряв терпение, рывкнул Нир. – Хватит! Ты уже сделала все, что могла. Спасибо! Очень тебе благодарен! А теперь дай мне переодеться.

Старушка попятилась.

– Никакого уважения... – горько проговорила она.

– Это ведь не мне нужно. Это ведь тебе нужно. Тебе...

Нир захлопнул дверь перед ее носом и перевел дух. Сил нет. Когда уже это кончится? Да еще и Сигаль не звонит, чертова кукла...

Когда он уходил, Лидия Сергеевна в позе напряженного внимания сидела перед телевизором; на экране безнадежно русский ведущий рассказывал о чем-то своем, непоправимо русском.

Шлагбаум был только на въезд, так что в этот раз Нир беспрепятственно проскочил мимо будки дежурного. Впрочем, Беспалый Бенда даже не посмотрел в его сторону: он слишком боялся упустить подъехавшую чуть раньше местную почтмейстершу. По уровню осведомленности она лишь немногим уступала двум поселковым маникюрщицам, а потому Бенда твердо вознамерился не поднимать шлагбаума прежде, чем выдавит из своей жертвы парочку-другую стоящих сплетен.

Час пик прошел, шоссе почти опустело.

Гулявший поутру ветерок устал и прилег отдохнуть в пятнистой тени масличных деревьев. Солнце тоже почти закончило заталкивать на вершину полудня свой ежедневный сизифов урок; еще немного – и покатится вниз по желобу старого вади. В этот час лишь звонкий прозрачный зной чувствовал себя совершенно в своей тарелке: притихший мир принадлежал ему до самого вечера – ему и застывшим на раскаленных камнях острохвостым ящерицам-хамелеонам.

Повернув в направлении Ариэля, Нир прибавил газу. Свободная дорога и скорость слегка поправили ему настроение. Казалось, что и Сигаль уже куда ласковей глядит на него с картинки на экранчике айфона, как будто и в самом деле обещает позвонить с минуты на минуту. Однако обещания пока так и оставались обещаниями... – в реальности же мобильник угрюмо молчал, а на якобы пустом шоссе после первого же виража обнаружился маленький серебристый ситроен, который полз удручающе медленно, словно добирая из бензобака последние капли горючего.

Как назло, именно здесь прочертили сплошную разделительную полосу, и Ниру не оставалось ничего другого, как покорно пристроиться за серебристой букашкой. В принципе, черепашья скорость ситроенчика позволяла идти на обгон, наплевав на ограниченную видимость, но Нир решил не рисковать: не так давно ему уже выписали рапорт ровно на этом месте. Тогда менты-наблюдатели сидели сверху, на одном из высоких откосов, тянувшихся здесь по обеим сторонам шоссе. Сидели, фотографировали и передавали по рации, а другая полицейская машина собирала урожай штрафов несколькими километрами дальше.

Недовольно бурча, Нир тащился за ситроеном.

Интересно, кто это там такой резвый? Наверно, какой-нибудь особо вредный старикан или, напротив, перепуганная восемнадцатилетняя девчонка, получившая права на прошлой неделе... Так или иначе, деваться было некуда, и Нир от нечего делать принялся внимательно изучать откосы, в надежде обнаружить там, на краю, фигуру затаившегося в засаде мента или отблеск линзы его бинокля. Тогда, по крайней мере, можно будет сменить досаду на торжество, вдарить обеими ладонями по рулю и закричать во все горло:

– Что, съели, менты-маньяки? Съели? Капкан расставили, думали подловить... а вот хрена вам! Хрена!

Да-да, почему-то больше всего ему сейчас хотелось закричать – хотя бы и мысленно. Закричать, обругать кого-нибудь, выплеснуть... – что?.. – злость?.. раздражение?.. разочарование?..

Тем временем водитель впереди даже не думал прибавлять; шоссе, как змея в нору, неторопливо втягивалось в узкий проход между двумя отвесными скальными стенками. Неуютное место, капкан для мучеников клаустрофобии и торопливых водителей. Полуденное солнце било прямо в глаза, на манер света в конце туннеля, и Нир на всякий случай притормозил, чтобы, увлекшись высматриванием полицейских, не поцеловать задний бампер ситроена. Притормозил и почти сразу же увидел их, неясными черными силуэтами на кромке правого обрыва. Он успел удивиться необычно большому количеству ментов и их более чем странному поведению: и действительно, какой смысл, находясь в засаде, прыгать и размахивать руками?.. – но в этот момент первый камень гулко ударился о крышу мазды, разом вернув Ниру правильное понимание происходящего.

Ну какие такие менты? Это ведь арабские подростки! Теперь уже камни летели градом; ударяясь об асфальт, куски мягкого известняка взрывались наподобие осколочной гранаты. Звякнуло боковое окно, на лобовом стекле расцвели звезды и трещины. В голове запоздало промелькнуло: ну да!.. ведь не далее как сегодня утром Бенда предупреждал о камнеметателях на ариэльском шоссе. Что же их до сих пор не разогнали? Нир уже дал было по газам, чтобы поскорее выехать из-под арабского камнепада, но тут ползущая впереди серебристая букашка вдруг резко ускорила, метнулась влево, затем вправо и пошла стремительным юзом в сторону левой обочины. В воздухе мелькнули колеса; ситроен дважды перевернулся и, наконец, замер, со всего маху ударившись в скалу задней своей частью.

Нир резко остановил машину. Над шоссе висела странная оглушительная тишина. Камни больше не летели: как видно, подростки, перепугавшись, бросились наутек. В армии Нир не раз имел возможность убедиться: в моменты неожиданной опасности им всегда овладевало удивительное спокойствие, зрение обострялось, движения становились точны и экономны, а время словно замедлялось в разы. Он выскочил на шоссе и побежал к ситроену, на ходу набирая номер центра экстренной связи.

– Алло!

– Теракт в трех «больших» южней «креста» Рахмиэль, – отчетливо произнес Нир, автоматически перейдя на армейский жаргон, – Бросание камней местными. Есть раненые... – получи поправку: есть раненая... – одна «юбка»... – нужен амбуланс и «голубые». Как поняла?

– Поняла, – так же спокойно ответила дежурная.

– Одна «юбка», три «больших» к югу от «креста» Рахмиэль. Степень ранения?

– Пока не знаю, – Нир оглянулся на откосы. – Я тут один. И патруль тоже не помешал бы. Почистить территорию от «грязных». Конец.

Он сунул мобильник в карман и наклонился к окну ситроена. Женщина в кресле водителя открыла глаза и недоуменно повела взглядом вокруг. Губы ее шевельнулись. Дверцу заклинило, но не сильно; Нир рванул ее на себя и распахнул настежь.

– М-мм... – промычала женщина.

На вид ей было лет тридцать; круглое лицо, обрамленное черными кудряшками. Вряд ли она сейчас понимала, где находится и что произошло. Нир тихонько похлопал ее по щеке.

– Эй! Ты как? Цела? Болит где-нибудь?

– А? – невпопад откликнулась пострадавшая. – А?

С видимым усилием расцепив пальцы, она сняла руки с руля и принялась внимательно изучать их.

– Руки целы, так? – подсказал Нир. – А как спина?

Повернись... так, нормально. Ноги? Подвигай ногами. Молодец. Можешь выйти? А то ведь загорится еще, не дай Бог. Ну-ка, давай отстегнемся...

Женщина реагировала заторможенно; Нир осторожно взял ее под мышки и вытащил наружу. Поразительно, но, похоже, она и впрямь отделалась лишь сильным потрясением. Во всяком случае, Нир не заметил ни переломов, ни ушибов, ни кровотечений. Тем не менее, благоразумно не полагаясь на свое суждение, он отвел водительницу ситроена метров на двадцать от разбитой машины и заставил лечь на спину. Женщина подчинилась и минуту-другую лежала смирно, все так же оторопело поглядывая по сторонам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.